

Приехавшая комиссия поражала количеством своих сопровождающих. За каждым маститым проверяющим шли референт, переводчик, охранник, серьёзные непонятные молодые люди. Сами проверяющие под тяжестью лет, званий и регалий шли сторбившись, астматически дышали, шаркали ногами. Но именно им было поручено провести проверку данного эксперимента, сделать выводы о целесообразности применения эликсира, разработанного в недрах сверхсекретной лаборатории и получившего название ДЖ-200 (название произносили столь тихим шёпотом, что только знающий человек мог понять, о чём идёт речь). В исследование были вложены огромные деньги, ещё более огромные предстояло вложить в производство данного эликсира и методику по его применению. Но если все чаяния оправдаются, то, несомненно, его создателю будет принадлежать ВСЁ. Журналисты и корреспонденты на эту встречу допущены не были.

Пройдя длительную процедуру дезинфекции, санобработки, радиационной и химической защиты, облачившись в костюмы, не уступающие космическим скафандрам, члены комиссии, пройдя такими длинными коридорами, что навряд ли бы смогли сами выбраться отсюда, наконец-то вошли в огромный зал, заставленный странной аппаратурой, машинами, приспособлениями. Вдоль стены тянулись отгороженные стеклянными перегородками комнаты. Каждая комната представляла собой достаточно комфортное помещение, напоминавшее маленький мирок. Кровать, стол, бассейн, спортивный уголок, настоящий оазис из растений. Дальняя стена, выполненная в виде огромного экрана, в зависимости от

программы транслировала изображения то леса, то степи, то моря, то современного города. Перед входом на небольшом экране можно было прочесть, кто находится здесь, откуда, узнать любые данные о находившемся за стеклом субъекте.

Председатель комиссии, самый старейший и самый известный на планете биофизик, генетик и медицинское светило Павел Петрович Гореев, первым подошёл к стене комнаты. Стекло было односторонне прозрачным, изнутри нельзя было увидеть людей, стоящих по ту сторону. Им же ничто не мешало наблюдать за происходящим в помещении... Пристально и долго разглядывали члены комиссии испытуемых, молча переглядывались, следили за выражением лица Гореева, пытаясь понять его мысли и реакцию, двигались дальше, к следующей комнате. Опять долго стояли в тишине, боясь нарушить её своим неосторожным словом, резким движением. Так же молча, Гореев первый, остальные за ним, они вышли из зала, прошли обратную процедуру санобработки, и спустя какое-то время все разместились в комфортных креслах вокруг небольшого столика в небольшом помещении без окон, но залитом искусственным светом. Их стало заметно меньше: кроме Гореева, присутствовали ещё несколько человек — директор лаборатории Оривин, химик Гален и биолог Пак. Остальные остались в недрах лаборатории и где-то там ожидали вынесения вердикта.

Гореев долго молчал, будто боялся нарушить тишину. Наконец заговорил приглушённым голосом, задумчиво, взвешивая каждое слово:

— И к чему мы пришли за пятьдесят лет? Развитие волновой генетики обещало нам исправление практически любых дефектов организма, излечение любых болезней. Практически обещало формирование человека по любому образцу, идеального по внешним данным, гениального по развитию. Пятьдесят лет мы проводили эксперимент по записи информации в крохотное клеточное ядро на волновом уровне, электромагнитными и акустическими излучениями. Мы изолировали контрольных подопытных от внешних излучений всех форм, поместили их в камеры, где они остаются идеально чистыми от любых методов воздействия. Мы позволили клеткам самостоятельно проводить различные

химические реакции по обмену веществ, они постоянно обменивались между собой сигналами, как им это было надо. Генетики предоставили нам новейшее оборудование для экспериментов над подопытными субъектами. Пятьдесят лет мы надеялись, что наша разработка закончится успехом. И что, разве мы смогли подчинить себе клетку?

Гореев замолчал, грызя по старой привычке дужку очков. Заговорил Оривин:

— Ну, не всё так плохо. Подопытные субъекты живут дольше обыкновенных людей, некоторым уже исполнилось сто сорок лет. Значит, эликсир действует!

— Да о чём вы говорите?! — взорвался возмущением Пак. — А вы бы хотели так жить? Вы же сами всё видели!

— Ну, видел. Надо продолжить опыты. Может, и решим задачу.

— И кого мы покажем ещё через десяток лет? Очень-очень молодых, здоровых телом, но увечных на голову? Вы же наблюдали за ними в течение многих лет. Да, они молодеют, но они становятся, грубо говоря, дебилами! Их умственное развитие тормозится, мозг разрушается, они уже не способны просто думать! Я считаю, простите, Павел Петрович, что вперёд вас высказываюсь, что эксперимент надо прекратить! И не дай Бог, чтобы информация о нём просочилась из стен этой лаборатории, — иначе нас замуруют здесь и оставят продолжать корпеть над этими разработками! Всегда человек хотел быть моложе, красивее, жить вечно, забот не зная. Вспомните этот силикон в груди, в ягодицах, губы в пол-лица! Мы лезли в природу, а взамен получили чудовищную моду, исковеркавшую все понятия о красоте. Я не имею в виду, когда это необходимо для здоровья. И сейчас что вы хотите? Вечно живущих, здоровых, но не способных ни думать, ни что-то делать существ? Это уже будут не люди, а монстры!

— Да не у всех хватит денег на этот эликсир! — циничный Гален шуткой снял напряжение. — Я тоже, понимая, что решение зависит от нас, считаю, что широко афишировать нашу методику не стоит. Хотя это очень лакомый кусочек: известность, деньги... Трудно устоять!

Вновь заговорил Гореев:

— Вот смотрите. Наши контрольные образцы жили и развивались без нашего вмешательства. Как пятьдесят лет назад мы их поместили в инкубаторы в возрасте нескольких дней, так они и жили сами по себе. Их жизнь сейчас мало чем отличается от жизни животных. Ну, к примеру, шимпанзе. Прimitив. Хотя обслуживающий персонал за ними ухаживает, кормит, обучает их первичным навыкам. И они всё равно стареют! Многие из них едва протянули эти пятьдесят лет. Стало быть, самой природе необходимо расти, развиваться, проходить путь эволюции и прогресса.

— А я бы чуть-чуть поэкспериментировал на себе. Помолодел бы лет на десять, — Оривин мечтательно пожевал сухими старческими губами, будто бы попробовал вишенку на вкус. — Заманчиво всё-таки!

— Нет! — категорично заявил Пак. — Рано ещё человечеству давать в руки нашу методику. Природа не простит! Наше влияние на гены, развитие геной инженерии приведет нас к разделению человечества на генные касты. Сортируя и влияя на гены, мы получим стандартизацию людей, потеряем генное разнообразие. Мы лишимся гениев! Мы выпустим на свободу монстров, Франкенштейнов. Недопустимо вмешиваться в геном человека! Что получается от клонирования? Да, клон жил, но лишь клон животного. А у человеческого клона отсутствовал разум. Видно, разум вкладывается в человека свыше, божественным началом. Так что я — против!

Гален в знак одобрения и поддержки поднял вверх большой палец и улыбнулся. Оривин развел руками: что, мол, поделаешь, пусть мечта помолодеть останется мечтой!

— Я тоже против, — заявил Гореев. — Считаю, что опыты надо продолжать, но очень аккуратно, не вмешиваясь в природу, а лишь изучая её. Результаты опыта засекретить. Для прессы подготовить информацию — нейтральную, спокойную, чтобы не поднимать ажиотажа среди населения планеты.

Они поднялись с кресел, пожали друг другу руки и вышли из зала. В соседнем помещении, маленьком, изолированном и незаметном, двое мужчин переглянулись, вздохнули и выключили записывающую аппаратуру.